

В. Г. ПУЦКО

Древнейшие иллюстрации к сказаниям о Киево-Печерском монастыре

В 1661 г. из типографии Киево-Печерской лавры вышло первое иллюстрированное издание патерика. Украшающие его многочисленные гравюры во многих случаях выполнены под явным воздействием монастырского быта XVII в., элементы которого привнесены в трактовку хронологически отдаленных событий начального периода истории монастыря. Но кроме этого цикла гравюр, как известно, сохранились миниатюры более раннего времени, тематически связанные со сказаниями о Киево-Печерском монастыре. Правда, они дошли в составе не патерика, а Радзивилловской летописи.¹

Миниатюры, иллюстрирующие летописный текст, заслуживают внимания не только со стороны отбора сюжетов, но и по причине их явной связи с какими-то более ранними источниками, использование которых мы можем предполагать. До сих пор миниатюры Радзивилловской летописи интересовали исследователей чаще всего в целом² или же в связи с решением определенных частных проблем.³ В сущности наше обращение к изучению иллюстраций печерского цикла, дошедшего в составе лицевого летописного свода, тоже имеет характер разыскания, задачей которого является выяснение состава иллюстраций и его основных тенденций, а также установление приемов иллюстрирования литературного текста. Кроме того, необходимо установить, как повлияла система иллюстрирования этого памятника на другие средневековые лицевые хроники, в первую очередь на византийские. Решение этих вопросов может помочь уяснить место цикла миниатюр, тематически связанных с прошлым Киево-Печерского монастыря, в развитии книжной иллюстрации русского средневековья.

При сопоставлении тематического состава иллюстраций Киево-Печерского патерика 1661 г. и миниатюр печерского цикла в составе Радзивилловской летописи обращает на себя внимание не только их сюжетное несовпадение (что следует считать вполне естественным), но и явно повышенное

¹ Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись, ч. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902.

² Н. П. Кондаков. Заметка о миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи. — В кн.: Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись, ч. II Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. СПб., 1902, с. 115—127; В. И. Сизов. Миниатюры Кенигсбергской летописи. — ИОРЯС, т. X, 1905, вып. 1, с. 1—50; А. В. Арциховский. 1) Миниатюры Кенигсбергской летописи. — В кн.: Известия Гос. Академии истории материальной культуры, т. XIV, вып. 2. Л., 1932, с. 3—38; 2) Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, с. 4—40; О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965, с. 49—101.

³ Б. А. Рыбаков. Борьба за суздальское наследство в 1174—1176 гг. по миниатюрам Радзивилловской летописи. — В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 89—101; А. В. Чернецов. Об одном рисунке Радзивилловской летописи. — Советская археология, 1977, № 4, с. 301—306; Р. А. Симонов. «Запись» чисел на древнерусском абаке. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 413—414.

внимание миниатюриста прежде всего к начальной поре существования Печерского монастыря, а также к деятельности Антония. Феодосию, напротив, миниатюрист уделил крайне мало внимания, и это кажется довольно странным, если учесть значение деятельности Феодосия как игумена Печерского монастыря. Отмеченный факт вызывает еще большее удивление с учетом подробно иллюстрированной истории монастыря печерского монаха Исакия. Трудно представить, что такое весьма своеобразное распределение иллюстраций обязано исключительно инициативе миниатюриста Радзивилловской летописи или ее протографа. Не обязана ли эта особенность состава миниатюр к сказаниям о Киево-Печерском монастыре какому-то иному источнику? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к материалам изучения Радзивилловского списка летописи.

По заключению А. А. Шахматова, Радзивилловский список является копией с иллюстрированного оригинала, создание которого ученый предполагал в первой четверти XIII в. либо почти одновременно с составлением свода (1216 г.).⁴ Как полагал А. А. Шахматов, Радзивилловский список изготовлен был в Западной Руси, вероятнее всего в Смоленске.⁵ М. И. Артамонов связывал выполнение рукописи со Смоленским княжеством,⁶ В. И. Сизов и А. В. Арциховский — с Новгородом,⁷ А. И. Некрасов — с Тверью;⁸ О. И. Подобедовой приведены аргументы в пользу изготовления Радзивилловской летописи в Москве в период с декабря 1497 по февраль 1498 г., «очевидно, по заказу московского великокняжеского круга».⁹ Касаясь истории рукописи, исследователи обычно отмечают, что она, судя по припискам, в 1528 г. еще оставалась в Московской Руси, в конце XVI в. была в Белоруссии, а в следующем столетии оказалась в Польше, в библиотеке князя Януша Радзивила (ум. 30 дек. 1655 г.), получившего книгу от вилькийского лесничего Станислава Зеновича (ум. в 1672 г.). В 1671 г. рукопись уже принадлежала Кенигсбергской библиотеке, куда поступила от князя Богуслава Радзивила (ум. 31 дек. 1669 г.). В Россию она вернулась в 1761 г. в качестве одного из трофеев Семилетней войны. По наблюдению О. И. Подобедовой, иконография миниатюр Радзивилловской летописи была известна мастерам Лицевого летописного свода, и, следовательно, рукопись во второй половине XVI в. еще находилась в Москве.¹⁰ Приняв во внимание все эти указания, свидетельствующие о выполнении и хранении рукописи в Москве и о возможном ее изготовлении по великокняжескому заказу, приходится признать, что, вероятнее всего, Радзивилловский список летописи мог быть вывезен в результате польской интервенции в период Смутного времени.

Если исходить из положения о московском происхождении Радзивилловской летописи, факт использования иллюминаторами рукописи ранних моделей, восходящих к киевскому и владими́ро-суздальскому наследию, становится понятным и в значительной мере объяснимым. Безусловно, надо признать вполне резонным замечание М. И. Артамонова, что если миниатюры летописи и представляют копии с оригинала первой четверти XIII в., то они должны были пройти несколько промежуточных этапов.¹¹

⁴ А. А. Шахматов. Исследование о Радзивилловской, или Кенигсбергской, летописи. — В кн.: Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись, ч. II, с. 103.

⁵ А. А. Шахматов. Заметка о составлении Радзивилловского (Кенигсбергского) списка летописи. — В кн.: Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина. М., 1913, с. 73—74; см. также: В. В. Ганцов. Особенности языка Радзивилловского (Кенигсбергского) списка летописи. — ИОРЯС, т. XXXII, 1927, с. 237—242.

⁶ М. И. Артамонов. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи. Л., 1931, с. 27.

⁷ В. И. Сизов. Миниатюры Кенигсбергской летописи, с. 49—50; А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры. . . , с. 36.

⁸ А. Некрасов. Возникновение московского искусства, т. 1. М., 1929, с. 200—201.

⁹ О. И. Подобедова. Миниатюры. . . , с. 98.

¹⁰ Там же, с. 99.

¹¹ М. И. Артамонов. Миниатюры. . . , с. 11.

Рассматривать миниатюры Радзивилловской летописи как прямое отражение гипотетически реконструируемого оригинала не приходится хотя бы уже потому, что в них встречаются детали, которые внесены позднейшими копиями. Но, с другой стороны, едва ли можно заподозрить последних в последовательном изменении композиционных схем первоначальных иллюстраций, а также в нарушении состава определенных циклов миниатюр. М. И. Артамонов, признавший неудачным опыт Д. В. Айналова, выделившего из летописи цикл иллюстраций особого жития Бориса и Глеба, полагал, что расчленение памятника на составные части на основе анализа стиля или иконографии миниатюр может привести к весьма легковесным предположениям и догадкам.¹² Однако плодотворность этого метода изучения иллюстраций, объединенных в определенные циклы, вряд ли сейчас можно подвергать сомнениям, особенно после статьи Б. А. Рыбакова, хорошо показавшего, что миниатюры, несмотря на то что их порядок в некоторых случаях нарушен, более точно и правдиво отражают исторические события, чем чаще подвергавшийся редакционной правке текст летописи.¹³ Это дает основания выделить в составе Радзивилловской летописи все то, что связано с Киево-Печерским монастырем и нашло отражение в ее иллюстрациях.

Большая часть миниатюр, о которых пойдет речь, размещена в Радзивилловской летописи (БАН, 34.5 30) тематическими сериями на л. 90—93, 109—114 об., 120 об.—122, 129 об.—134; последнее событие, связанное с именем Феодосия Печерского, зафиксированное под 6616 (1108) г. (внесение его памяти в синодик), иллюстрировано миниатюрой на л. 154. Таким образом, в хронологическом отношении миниатюры Радзивилловской летописи связаны с событиями из истории Киево-Печерского монастыря XI в. Но они иллюстрируют включенный в летопись текст о начале Печерского монастыря и о первых печерских монахах, а также о перенесении мощей Феодосия Печерского, восходящий к произведениям Нестора, а также к сказаниям монаха Киево-Печерского монастыря Поликарпа, написанным в 1223—1233 гг. Следовательно, оригиналы рассматриваемых миниатюр вместе с иллюстрированными ими текстами служат дополнением к лицевому Владимирскому своду 1212 г., включение которого в состав летописи могло иметь место только между 1233 и 1238 гг. Крайними датами в данном случае являются время написания произведений Поликарпа и захват Владимира татарами. Предполагать более позднее происхождение интересующего нас цикла нет оснований. В литературе уже было оценено значение миниатюр как источника для изучения истории русского зодчества.¹⁴ К этому следует добавить, что в некоторых иллюстрациях представлены сооружения, архитектурные формы которых могли найти отражение лишь в лицевом списке летописи домонгольского времени. Таким образом, логически мы приходим к выводу о выполнении оригиналов миниатюр большей части печерского цикла одновременно с включением текста сказаний в свод, позднейшая копия которого известна под названием Радзивилловской летописи.

Первые двенадцать иллюстраций, размещенные на л. 90—93, тематически связаны с периодом от поставления в митрополиты Илариона в 1051 г. до введения Феодосием в Печерском монастыре устава константинопольского Студийского монастыря. Поставление митрополитом Иларионом служит как бы предысторией, поскольку, по свидетельству написанного Нестором «Сказания что ради прозвася Печерський манастырь», положенного в основу летописной статьи (17, 196),¹⁵ пришедший с Афона Антоний

¹² Там же, с. 9.

¹³ Б. А. Рыбаков. Борьба за суздальское наследство. . . , с. 89—100.

¹⁴ Н. П. Кондаков. Заметка о миниатюрах. . . , с. 123; О. И. Подобедов а. Миниатюры. . . , с. 87—88.

¹⁵ Здесь и далее цифры в скобках обозначают ссылки на текст Киево-Печерского патерика по изданию: Д. Абрамович. Киево-Печерський патерик. Київ, 1930 (Пам'ятки мови та письменства давньої України, т. IV).

поселился в ископанной им пещере. Изображение поставления Илариона в киевские митрополиты в Св. Софии, иллюстрирующее известие об этом на л. 90, носит условный характер. На миниатюре, помещенной в нижней части текста, вслед за сообщением о поставлении, в центре, у престола с киворием, отделенного невысокими царскими дверьми, представлен облаченный в епископские одежды Иларион со стоящим перед ним диаконом с горящей свечой в руке, в сопровождении князей и «лучших мужей». Митрополит, возможно, произносит проповедь в своем кафедральном храме, символическим обозначением которого служит престол с киворием, фланкированный городской стеной с башнями. Изображение престола с киворием в иллюстрациях летописи является указанием на то, что действие происходит именно в интерьере храма. Так, в частности, обозначены Десятинная церковь на л. 89 об. (в композиции крещения костей князей Ярополка и Олега, под 1044 г.) и Спасский собор в Чернигове на л. 217 об. (в изображении принесения присяги братьями и племянниками Андрея Боголюбского, под 1174 г.). Поэтому в данном случае говорить о документальном воспроизведении реалий не приходится, хотя типология кивория, полагаем, сохранена: изменять ее не было необходимости. Следует заметить, что обозначение интерьера храма при помощи введения в композицию миниатюры кивория характерно для византийской иллюстрации XI в.,¹⁶ тогда как в иллюстрациях кодекса XII в. Хроники Иоанна Скилицы в аналогичных случаях представлены храмы в продольном разрезе.¹⁷

Собственно, первыми иллюстрациями печерского цикла служат миниатюры, посвященные событиям из жизни Антония. Круг проблем, имеющих отношение к несохранившемуся житию Антония Печерского, освещен в специальных исследованиях.¹⁸ Миниатюры Радзивиловской летописи, подробно освещающие деятельность Антония как основателя Печерского монастыря, не содержат каких-либо деталей, отсутствующих в тексте летописной статьи под 1051 г., а также в сходной с ней по содержанию начальной части уже упомянутого произведения Нестора (16—19). И все же связанная с Антонием часть печерского цикла миниатюр летописного свода выявляет черты повествования более обычные для лицевого жития либо житийной иконы, чем для исторической хроники. В распоряжении миниатюриста оказалось крайне мало фактов из биографии Антония Печерского, и поэтому он цепко хватается за каждый из них, последовательно освещая события из жизни киевского аскета как страницы древнейшей истории Печерского монастыря.

Начало истории Киево-Печерского монастыря, по летописи, находит одновременное выражение в двух фактах: в поставлении в киевские митрополиты берестовского пресвитера Илариона, ископавшего пещеру, в которой впоследствии поселился Антоний, и в возвращении на Русь этого афонского постриженника из города Любеча. Миниатюра в верхней части л. 90 об. иллюстрирует принятие Антонием наставления от святогорского игумена, посылающего его на Русь, а также изображает — справа — Антония в пути. Первая композиция построена согласно распространенной в византийском искусстве схеме: игумен представлен сидящим на складном

¹⁶ G. Galavaris. The Illustrations of the Liturgical Homilies of Gregory Nazianzenus. Princeton, 1969 (Studies in Manuscript Illumination, N 6), fig. 4, 11, 44, 114.

¹⁷ A. Grabar, M. Manussacas. L'illustration du manuscrit de Skylitzès de la Bibliothèque Nationale de Madrid. Venise, 1979 (Bibliothèque de l'Institut hellénique d'études byzantines et post byzantines de Venise, N 10), fig. 38, 77, 130, 135, 140, 142, 148, 163, 166, 168, 185, 186, 195, 263.

¹⁸ А. А. Шахматов. 1) Житие Антония и Печерская летопись. — ЖМНП, 1898, № 3, с. 105—149; 2) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 257—289; С. П. Розанов. К вопросу о Житии преп. Антония Печерского. — ИОРЯС, т. XIX, кн. 1, 1914, с. 34—36; В. А. Пархоменко. В какой мере было тенденциозно несохранившееся древнейшее «Житие Антония Печерского»? — ИОРЯС, т. XIX, кн. 1, с. 237—241; ср.: М. Д. Прицелков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, с. 250—251.

стуле, опирающимся на посох; перед ним стоит в почтительной позе Антоний, голова которого, как и игумена, окружена нимбом. Справа несколько больших масштабов изображение Антония, обращенного в три четверти влево, в обычных монашеских одеждах, с посохом на плече, с перекинутой через него за спиною тканью и с кувшином в левой руке. Эта часть миниатюры, сочетающей два эпизода из жизни Антония, интересна бытовыми деталями, характеризующими путника. Однако более важным в данном случае представляется не столько даже вопрос отражения реалий, сколько причина и принцип соединения в композиции одной миниатюры двух разновременных действий. На первый взгляд кажется, что это результат механического соединения двух сцен, украшавших написанный в два столбца копируемый образец, в котором миниатюры были размещены симметрично, друг против друга.¹⁹ Но такое объяснение можно было бы принять безоговорочно лишь в том случае, если бы нам были известны византийские рукописи с текстом в два столбца, расчлененным миниатюрами, каждая из которых занимает ширину обоих столбцов с пространством между ними. Среди оформленных по этому типу греческих кодексов — Менологий XI в., миниатюры которых, как и иллюстрации Радзивиловской летописи, нередко объединяют несколько разновременных событий.²⁰ Следовательно, иллюстрации, объединяющие две сюжетные композиции, нельзя рассматривать как результат искусственного соединения изолированно существовавших в оригинале лицевого списка летописи миниатюр.

Медлительность, являющаяся одним из признаков эпического повествования, характерна и для художественного строя рассматриваемых миниатюр печерского цикла. Иллюстратор, как мы уже отметили, задерживает внимание на незначительных эпизодах из жизни Антония Печерского. Вместе с тем, объединенные общей сюжетной линией, они дают яркую характеристику деятельности киевского аскета XI в., открывающей начальные страницы истории Печерского монастыря. Миниатюры следуют за иллюстрируемым ими текстом, представляя в графических образах содержание прочитанного. Развитие сюжетной линии миниатюр в данном случае принципиально мало чем отличается от разворачивающегося слева направо рассказа стенописей, переходящего из вышележащего регистра в следующий. Все это говорит о единстве слова и образа, с одной стороны, и монументальной живописи и книжной иллюстрации — с другой, хотя в литературе, и каждый вид средневекового изобразительного искусства имеют присущую им специфику.

Иллюстрации, предполагающие местом деятельности Антония окрестности Киева, начинаются в рукописи с л. 91, на котором они расположены в два регистра. Верхняя миниатюра представляет Антония дважды: копающего пещеру, рассекающего секирой склон горы, и сидящего «в пустыне», обозначенной условно невысоким холмом с лещадками, в окружении деревьев, указывающих на лесную местность. Как предполагал Е. В. Аничков, гора, на которой поселился Антоний (а до него избрал местом молитвы Иларион), была покрыта священным лесом, с пещерами, в которых некогда находились языческие капища, отвечавшие по своему устройству угро-финским местным культам.²¹ Это была, следовательно, та «Варяжская пещера», о которой упоминают сказания патерика.²² Кажущаяся несообразность в изображении копающего пещеру Антония разъясняется при внимательном прочтении текста летописной статьи, из которой

¹⁹ О. И. Подобедова. Миниатюры. . . , с. 55.

²⁰ С. Дер-Нерсисян. Московский Менологий. — В кн.: Византия, южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. Сборник статей в честь В. Н. Лазарева. М., 1973, рис. на с. 96, 98—99, 101, 103—104, 106.

²¹ Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, с. 356—357.

²² См.: И. И. Малышевский. Варяги в начальной истории христианства в Киеве. — Труды Киевской духовной академии, 1887, № 12; Н. И. Петров. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897, с. 52.

следует, что «печерка» Илариона была «где ныне ветхий монастырь Печерский». И хотя сказано, что Антоний пришел «на холм, идеже бе Иларион ископал печерку» (л. 90 об.), в начале статьи говорится лишь о том, что Иларион «хожаше с Берестового на Днепр, на холм» (л. 90). Несколько позже в том же тексте читаем о том, что Антоний «ископа . . . печеру» (л. 90 об.). Текст сказания Нестора в составе патерика содержит подробности, позволяющие внести окончательную ясность в освещение этого вопроса: Иларион «ископа ту печерку малу дву саждень», а Антоний «копаше печеру и не дааше собе покоя въ дъне и в нощи» (17). Иллюстратор, как мы убеждаемся, очень выразительно передал неутомимость основателя монастыря, изобразив его разбивающим секирой скалистый склон горы.

Начиная со следующего эпизода, иллюстрированного миниатюрой на том же л. 91 (в нижней его части), события развиваются более стремительно. Как следует из текста, Антоний остался неизвестным Ярославу Мудрому, и только его сын и преемник по киевскому княжению — Изяслав, узнав о прославленном печерском подвижнике, пришел к Антонию «со дружиною своею, прося у него благословения и молитвы». Этот эпизод посещения Изяславом Антония решен миниатюристом традиционно и весьма лаконично: сидящему у пещеры Антонию предстоит князь в сопровождении лишь одного дружинника; князя, как и в других случаях, можно опознать по шапке на голове; дерево справа дополняет характеристику местности. Схема композиции довольно близка миниатюре на л. 90 об., однако изображение существенно отличается в деталях. По той же схеме, отличительной чертой которой является фигура сидящего у входа в пещеру Антония в левой части композиции, построена миниатюра на л. 91 об. На ней представлены Антоний и предстоящие ему три монаха, один из которых, стоящий впереди, — с обнаженной головой, а крайний справа — юный. В тексте сказано о двенадцати монахах, составивших первоначально братию Печерского монастыря, однако иллюстратор не следует сказанию дословно и ограничивается изображением троих из них. В стоящем впереди монахе нетрудно опознать Варлаама, поставленного Антонием игуменом. Следовательно, эта миниатюра изображает назначение первого игумена Печерского монастыря. Свеча в руке Антония (горящая) свидетельствует о том, что иллюстрация указывает также на пострижение иноков. Об этом упомянуто в тексте, в начале отрывка, который иллюстрирует указанная миниатюра.

Две миниатюры на л. 92 относятся уже к новому этапу в истории Печерского монастыря, связанному с началом возведения наземных построек. Первая из них иллюстрирует возведение братией, с согласия Антония, небольшого храма («поставиша церквицу малу Успение святыя Богородици»). Трудно сказать, насколько верно одноглавая постройка с позаконмарным покрытием, типологически близкая к ротонде, передает реальные формы первого печерского храма, к которому направляются три монаха. Едва ли следует здесь видеть документальную точность, не только по причине схематизма постройки, но и потому, что в конце XI в. в Печерском монастыре уже возвышался новый величественный храм, посвященный Успению Богоматери. Вторая миниатюра, иллюстрирующая другое проявление инициативы печерской братии, связанное со строительством монастыря, объединяет две композиции: в левой группа иноков заявляет Антонию о желании поставить монастырь, в правой — посланный иннок просит сидящего князя Изяслава дать гору для строительства на ней монастыря. Показательно, что не менее важное известие о возведении большой церкви («игумен же и братия заложиша церковь велику и монастырь огородиша столпеем и келеи поставиша много, и церковь свершиша и украсиша иконами») в миниатюрах не отражено. Иллюстратор в большей мере интересуется действиями основателя монастыря, чем строительство.

Итак, освещая события начальной истории Печерского монастыря, миниатюрист следует тексту летописной статьи, близкому по содержанию

к принадлежащему Нестору «Сказанию что ради прозвася Печерський монастырь». Но при этом он явно отдает предпочтение тем эпизодам, в которых главным действующим лицом является Антоний. В наши задачи не входит критика текста как исторического источника, и поэтому мы не останавливаемся на ряде хронологических и логических несоответствий. Из них наиболее странным следует считать то, что в тексте никакой роли в истории монастыря не отведено киевскому митрополиту, несмотря на то что по каноническому праву без его ведома не мог быть сооружен храм и тем более основан монастырь. Как следует из изложения, исключительно по воле князя Изяслава печерский игумен Варлаам был переведен в основанный князем киевский монастырь св. Димитрия, в связи с чем приведена известная сентенция о княжеских и боярских монастырях. Упомянутое событие трактовано миниатюристом следующим образом: князь отдает приказание через своего приближенного; справа — Варлаам, входящий в монастырь св. Димитрия, и несколько схематизированное изображение одноглавого храма с позакомарными покрытиями и двумя ярусами окон (л. 92 об.). С этим сооружением идентифицируют фундаменты храма, раскопанные в 1838 г.²³ Как известно, затем Антоний назначил игуменом Печерского монастыря Феодосия, при котором был введен устав Студийского монастыря (19—20).²⁴ Это знаменательное событие в устройстве монастырской жизни иллюстратор отразил в миниатюре на л. 93, изобразив сидящего Феодосия, пишущего на свитке. Такое типичное изображение монаха-писца лишено каких-либо черт индивидуальности, но зато оно образно и ярко выражает идею, как бы подводя черту начальной истории Печерского монастыря, иллюстрированной серией из девяти миниатюр, заключающих тринадцать сюжетов, тематически согласованных с текстом.

Как ни удивительно, жизнь Феодосия иллюстратор уделил крайне мало внимания, опустив большинство содержащихся в нем сюжетов. Его не привлекли ни крайне неровные отношения Феодосия с киевским князем, ни чудеса, сопровождавшие сооружение «великия церкви Печерьския». Из всего обширного текста, внесенного в летопись под 1074 г., он избрал в качестве темы миниатюр лишь предсмертное прощание Феодосия с братией (л. 109) и погребение Феодосия (л. 110). Житие Феодосия Печерского, как и сказание о начале монастыря, принадлежит перу Нестора.²⁵ Мы не можем уверенно сказать, почему миниатюрист остановился только на указанных эпизодах, описанных в заключительной части жития. Единственным объяснением, думается, в данном случае может служить христианский взгляд на смерть как на духовное рождение. Других причин подобного отбора сюжетов для иллюстраций жития мы не видим.

Указанные миниатюры весьма сходны по своей общей композиционной схеме: в центре находится ложе с лежащим на нем Феодосием, возле него стоит братия Печерского монастыря. Первая миниатюра иллюстрирует те строки жития, в которых речь идет о назначении игуменом Стефана по желанию монастырской братии. У ложа Феодосия стоят печерские монахи в мантиях и куколях; слева изображено сооружение с двускатной кровлей, справа — храм, указывающие на то, что действие происходит в монастыре. Храм одноглавый, трехнефный, с позакомарным покрытием. Это, несомненно, собор Печерского монастыря, и поскольку в результате археологических исследований осуществлена реконструкция его архитектурных

²³ Ю. С. А с е е в. Новые данные о соборе Дмитриевского монастыря в Киеве. — Советская археология, 1961, № 3, с. 291—296.

²⁴ Подробнее см.: В. П у ц к о. Киевский художник XI века Аллмпий Печерский. (По сказанию Поликарпа и данным археологических исследований). — Wiener slavistisches Jahrbuch, Bd 25, 1979, S. 74—76 (с указанием литературы).

²⁵ См.: И. П. Е р е м и н. К характеристике Нестора как писателя. — В кн.: И. П. Е р е м и н. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. М.—Л., 1966, с. 28—41.

форм,²⁶ можно судить о степени достоверности изображения на миниатюре. Следует сказать, что общая схема передана верно, но пропорции и детали не отвечают действительности. Завершение главы в форме луковичы на рисунке вместо первоначальной племовидной, вероятнее всего, — результат адаптации ранней модели. Миниатюра на л. 110, изображающая погребение Феодосия, обнаруживает отличия в типе ложа, постройки слева, а также в том, что в правой части композиции представлен епископ, совершающий вместе с печерскими священноиноками чин погребения. Присутствие епископа в данном случае не только не соответствует лаконичному замечанию летописного текста о том, что «игумен же и братия похраниша те его», но и находится в явном противоречии с указанием Несторова жития на то, что монастырская братия затворила врата и никого не допустила на погребение Феодосия, в соответствии с его желанием (74). Поэтому приходится предположить, что миниатюрист воспользовался готовой моделью композиции, не имевшей сюжетной связи с погребением Феодосия Печерского.

Вопрос о непосредственном источнике модели в данном случае решен быть не может. Изображения прощания Феодосия с братией и погребения Феодосия являются модификацией весьма распространенного в византийской иконографии представления смерти святого, обычного для лицевого Менология. О том, что эта иконография не отличалась жесткой схемой, свидетельствует сопоставление аналогичных композиций в иллюстрациях литургических гомилий Григория Назианзина.²⁷ Принадлежность описанных двух миниатюр к числу иллюстраций предполагаемого лицевого жития Феодосия Печерского весьма проблематична.

Следующая серия иллюстраций печерского цикла в составе миниатюр Радзивилловской летописи начинается с л. 110 об., непосредственно примыкающая к житию Феодосия. Она в сюжетном отношении связана со сказанием «О святых блаженных первых черноризцах Печерьских» (96), а также с принадлежащим Поликарпу сказанием об Исакии (185—189). Иллюстратор проявляет повышенный интерес к печерским приключениям с бесами, особенно наглядно обнаруживая свой выбор сюжетов в отношении первого из названных пропозведений, которое в Радзивилловской летописи читается в усеченном виде, без повествования о Дамиане пресвитере, из которого извлечены лишь заключительные фразы и присоединены к житию Феодосия. Таким образом, последние слова этого жития на л. 109 об. представляют переделку фразы, завершающей рассказ о Дамиане в тексте патерика (95). Указанное извлечение из повествования о Дамиане начинается словами «Посем же прииде игумен со братьею», представляющими переделку фразы из патерика: «Посем же прииде къ нему великий Феодосие з братиею» (95). Вследствие этого трактовка миниатюры на л. 110 как изображения погребения Феодосием может вызвать некоторые сомнения. Но, полагаем, нет оснований для отождествления композиции с каким-либо эпизодом из жизни Дамиана.

Обе миниатюры, иллюстрирующие сказание о первых черноризцах печерских, изображают видения старца Матфея. На одной из них, на л. 110 об., представлен Матфей стоящим у строения с двускатной кровлей,²⁸ наблюдающим шестие бесов (один из них едет на свинье), направляющихся в Печерский монастырь по Михалю Тобольковича (по тексту летописи: по Михалю по Толбоковича). Как следует из текста сказания, это видение позволило старцу понять, что Михалю нет в келье, и, действительно, он

²⁶ М. В. Холостенко. Нові дослідження Іоанно-Предтеченської церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської лаври. — В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ, 1976, рис. 10, 11, 14, 15.

²⁷ Ср.: G. Galavaris. The Illustrations..., fig. 11, 15, 44, 114, 130, 134, 149, 175, 221, 230, 268, 282, 291, 363, 388, 415, 424, 441, 461.

²⁸ По тексту, включенному в Радзивилловскую летопись, Матфей «седе почивая под быльем»; по тексту патерика — «седе под клепаком» (96).

вскоре удостоверился в исчезновении Михалы по заутренн из монастыря. Обратившись к традиционной схеме построения композиции, предполагающей действие фланкированными архитектурными кулисами, миниатюрист ввел также изображение горы с лекадками, хотя то и другое не обусловлено иллюстрируемым текстом, как и поза Матфея. В изображении чудовищ художник дал волю своей фантазии, отчасти ориентируясь на те гротескные композиции в искусстве средневековья, которые нам известны главным образом по западноевропейским иллюминированным рукописям Бестиария, получающим широкое распространение в конце XII в.²⁹ Для византийской традиции они не являются характерными.³⁰ Изображения бесов, обычные для византийской и русской иконографии Страшного суда, в данном случае едва ли следует рассматривать в качестве ближайших прототипов. Вместо свиньи миниатюрист изобразил животное, скорее напоминающее собаку. Если при создании этой иллюстрации художник использовал какой-то прототип, то им могла быть композиция, представляющая искушение Антония Пустынника, которая известна по лицевым рукописям итальянского происхождения.³¹

Вторая миниатюра иллюстрирует видение Матфея во время утрени, когда на игуменском месте оказался осел вместо не пришедшего в храм Никона. Эта композиция, помещенная в верхней части л. 111, прекрасно передает атмосферу утреннего монастырского богослужения, с поющими монахами и со стоящим у пюпитра с книгой канонархом, возле которого созерцающий осла Матфей, «възвед очи свои, хотя видети игумена Никона».³² Интерьер храма скуп, но выразительно обозначен благодаря введению рисунка позакомарного покрытия с главой, представлявших, по-видимому, в воображении иллюминатора наиболее характерный признак печерского соборного храма, той Великой церкви, сооружение которой овеяно легендами, причудливо вплетавшими в себя реальные события.

Ни одно из сказаний о Киево-Печерском монастыре не было иллюстрировано так обстоятельно, как повествующее о черноризце Исакии, живо напоминавшее в свое время Вл. Яковлеву рассказы о явлении дьяволов в светлом ангельском одеянии, встречающиеся в древних патериках.³³ Это сказание, автором которого является Поликарп, посвящено приключениям печерского монаха, в прошлом купца из Торонца, принявшего постриг от Антония. Одевшись во власяницу и сырую козлиную шкуру, он уединился в крохотной печерной келье; его пищу составляли одна просфора и немного воды. По сказанию, так Исакий прожил в пещере семь лет, не видя дневного света. Наконец однажды в полночь, едва он погасил свечу, озарил печерную келью солнечный свет и явился Исакию два светозарных юноши, предупредившие о шествии к нему Христа с ангелами. Но это оказался бес, которому неосмотрительно поклонился Исакий, забыв при этом перекреститься. Так Исакий невольно оказался во власти бесов. Первая миниатюра, иллюстрирующая это сказание, отличается оригинальностью композиции, объединяющей две сцены. Каждая из сцен обрамлена горными лекадками, интерьер пещеры разделен большим подсвечником с горящей свечой, какие обычны в церковном обиходе. Левая сцена представляет

²⁹ M. R. James. The Bestiary. Oxford, 1928; A. Konstantinowa. Ein englisches Bestiar des zwölften Jahrhunderts in der Staatsbibliothek zu Leningrad. Berlin, 1929; F. Mc. Culloch. Medieval Latin and French Bestiaries. North Carolina, 1960.

³⁰ Ср.: Z. Kádár. Survivals of Greek Zoological Illuminations. — Byzantine Manuscripts, Budapest, 1978.

³¹ См.: P. D'Ancona. La miniature italienne du Xe au XVIe siècle. Paris, 1925, fig. 24.

³² По Феодосиевой редакции патерика, Матфей «виде беса на игуменском месте стояща», по редакции Иосифа Гривны — «виде преподобного Феодосия на игуменове месте стояща».

³³ Вл. Яковлев. Древнекиевские религиозные сказания. Варшава, 1875, с. 105.

явление сидящему Исакию бесов в образе двух ангелов, правая — Исакия, поклоняющегося бесу, принявшему облик Христа (л. III об.).

Миниатюра на л. 112 изображает истязание Исакия посредством пляса, иллюстрируя слова текста: «И удариша в сопели и в бубны, и в гусли, и нача им играти. И утомивше и оле жива». В левой части миниатюры представлен сидящий Исакий, справа — пляшущий в окружении музицирующих бесов. О пещере как месте действия напоминает лишь тонированный фон. Повествование о расслабленном Исакии для иллюстратора сказания оказалось лишенным интереса. Художник проявляет внимание только к чудесам Исакия и к его борьбе с бесами, оказавшимися не в состоянии обмануть бдительность печерского подвижника вторично. На л. 113 Исакий изображен в поварне, выслушивающим приказание повара поймать ворона, справа он же представлен исполняющим это насмешливое повеление с истинным смирением. Указанием на место действия в данном случае служит двухэтажная башенка с подвешенным перед ней над огнем котлом. По сказанию, это чудо Исакия внушило к нему почтение братии, и подвижник, желая избежать почестей, стал юродствовать. Обычно иллюстратор, следуя тексту сказания, размещает сцены слева направо. На л. 113 об. в верхней иллюстрации он, наоборот, справа представил игумена, укоряющего Исакия за пострижение юношей, а слева — Исакия, угашающего босыми ногами разбушевавшийся огонь в печи. Последние две миниатюры этой же серии, расположенные на л. 113 об. и л. 114, изображают, как «многожды бо беси пакости ему деяху». На одной из этих миниатюр бесы в виде многочисленного народа «с мотыками и лыскари» грозят раскопать пещеру, засыпав в ней Исакия, и советуют ему оставить пещеру, на другой — бесы в образе чудовищ устрашают Исакия. Указанные миниатюры почти однотипны: слева представлен сидящий в пещере подвижник, справа — устрашающие его бесы, подступающие в различном облике. На этом, собственно, и заканчиваются приключения с бесами, вынужденными признать: «Исакие, победил ны еси». Миниатюра на л. 114 об. изображает погребение Исакия.

Рассмотренная серия иллюстраций, как можно убедиться, занимает особое место в печерском цикле миниатюр Радзивилловской летописи. По тематике и трактовке она резко отличается от миниатюр, в основе которых лежат исторические факты. Сказания, повествующие о Матфее и Исакии, были написаны Поликарпом в то время, когда в Печерском монастыре уже успели появиться легенды о первых насельниках, обитавших в пещерах.

Специфика лицевого летописного свода сказалась в том, что миниатюры, тематически связанные с историей Киево-Печерского монастыря, оказались разбросанными по страницам рукописи, будучи связаны с определенными датами. Поскольку в иллюстрациях летописи не получило отражения освящение Успенского собора Печерского монастыря — гордости печерских монахов, столь красочно и подробно описанное в патерике, вряд ли следует предполагать использование сводчиком лицевого патерика. Существование иллюстрированных циклов отдельных сказаний в домонгольский период едва ли надо подвергать сомнению. Иллюстратор летописного свода, явившегося протографом Радзивилловской летописи, охотно откликается на события, связанные с Киево-Печерским монастырем, но в их трактовке не обнаруживает ясного представления о монастырских реалиях. На л. 120 об., под 1089 г., помещена миниатюра, представляющая печерского игумена Иоанна перед князем Всеволодом и его сыновьями Владимиром и Ростиславом. Не логичнее ли было в данном случае изобразить «великую церковь», о которой идет речь в летописной статье? Однако художник предпочел иную форму отклика на это событие, хотя приглашение князя с его сыновьями на освящение храма отнюдь не представляло основной акт этого торжества. Такая трактовка событий могла иметь место лишь в том случае, если инициатива включения во вла-

димирский лицевой свод начала XIII в. печерских событий принадлежала не миниатюристу, а лицу, осуществлявшему контроль над составлением свода, тесно связанному с киевским монастырем. Таким лицом являлся постриженник Киево-Печерского монастыря владимирский епископ Симон (1215—1226). Его произведения, рассказывающие о создании Печерской церкви Богородицы и о печерских подвижниках, как известно, входят в состав патерики.³⁴

Из рассказов, связанных с Печерским монастырем, в Радзивилловской летописи иллюстрировано помещенное под 1091 г., принадлежащее Нестору сказание о перенесении мощей Феодосия Печерского из пещеры в «великую церковь» (78—82). Миниатюра на л. 121 об. является примером буквального следования тексту, отражающего все содержащиеся в нем подробности. Она представляет не только Нестора, откапывающего останки Феодосия, но и отдыхающего перед пещерой его друга, а также монаха, ударяющего в било. Ударение в било и изображение сияющего солнца указывают на утреннее время. Нестор изображен не в пещере, но перед ее схематическим обозначением. Подобное же изображение пещеры можно видеть и в следующей миниатюре — на л. 122, где представлены игумен и братия Печерского монастыря у саркофага с мощами Феодосия. Нападение половцев на монастырь, описанное в летописной статье под 1096 г., иллюстрировано миниатюрой на л. 133 об., изображающей половцев с факелами и заступами, разделенных на две группы, в сопровождении Боняка (в княжеской шапке). Трактровка конкретного исторического события здесь принимает крайне условные формы. Не лучше обстоит дело и с изображением поджога половцами Красного двора князя Всеволода, ансамбль которого в миниатюре на л. 134 трактован как средневековый западноевропейский замок. Это говорит о том, что иллюстратор летописного свода имел довольно смутное представление о киевских архитектурных сооружениях. Миниатюрой на л. 130 отмечено внесенное под 1094 г. сообщение о смерти епископа Стефана, в прошлом игумена Печерского монастыря. Это обычное изображение саркофага с умершим, окруженного клириками, аналогично упомянутым миниатюрам, представляющим погребение Феодосия и перенесение его мощей. Изображением епископа и монаха, вписывающих в синодик имя Феодосия, в миниатюре на л. 154 иллюстрировано известие под 1108 г., говорящее об одном из первых шагов в подготовке канонизации печерского игумена.³⁵ В миниатюре на л. 154 об., иллюстрирующей читаемое под 1110 г. сообщение о видении в Печерском монастыре над гробом Феодосия столпа, заслуживает внимания изображение саркофага Феодосия, представленного на фоне храма, в котором трудно опознать архитектурные формы «великой церкви».

Сопоставляя различные серии миниатюр печерского цикла в составе Радзивилловской летописи, можно наглядно убедиться в том, что они восходят к различным источникам. Иначе трудно объяснить, почему в одних случаях нашли отражение монастырские реалии, в других иллюминатор не обнаруживает ясного представления о них. Как ни странно на первый взгляд, но миниатюры к сказанию Нестора о начале Печерского монастыря и к сказанию Поликарпа о первых черноризцах печерских отличаются большей цельностью, чем иллюстрации к связанным с монастырем событиям, приуроченные к определенным датам и, в соответствии с этим, разбросанные по страницам рукописи.

Миниатюры к сказанию о начале Печерского монастыря явно восходят к каким-то ранним образцам, вероятнее всего, киевского происхождения. Предположение о существовании лицевого сказания среди продукции скриптория Печерского монастыря, первые сведения о деятельности кото-

³⁴ А. Г. Кузьмин. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 167—169.

³⁵ Е. Голубинский. История канонизации святых в Русской церкви. Сергиев Посад, 1894, с. 32—34.

рого относятся ко второй половине XI в., не может представиться невероятным, особенно если принять во внимание стремление печерских монахов, а также епископов из постриженников монастыря всячески содействовать прославлению киевских подвижников. Одним из таких горячих пропагандистов святости Печерского монастыря был владимирский епископ Симон. В Византии, как известно, рассказы о подвигах или чудесах отдельных святых проникали даже в иконографическую программу эпископии.³⁶ Это трудно предположить в отношении Антония Печерского, не получившего канонизации в домонгольский период.³⁷ Но его изображение было представлено на донаторском портрете, репликой которого является икона XIII в. Свенской Богоматери.³⁸ Иллюстрации к написанному Поликарпом сказанию о первых черноризцах печерских созданы были, очевидно, во Владимире, и если их инициатором был епископ Симон, то соответственно их надо датировать не 1233—1238, а 1223—1226 гг., равно как и формирование всего лицевого свода, составившего основу Радзивилловской летописи.

Итак, в печерский цикл входят миниатюры, сопровождающая сказания о начале Печерского монастыря и о первых черноризцах печерских, а также «хроникальные заметки». На положении последних оказались и иллюстрации к житию Феодосия и сказанию о перенесении его мощей, не образующие такой же цельной серии, как две первые. Если говорить об основных тенденциях печерского цикла миниатюр, то думается, что они своим появлением обязаны стремлению всемерно способствовать прославлению и популярности Киево-Печерского монастыря.

Говоря о приемах иллюстрирования литературного текста, мы уже отмечали их различия, которые не смог полностью нивелировать копист конца XV в., существенно изменивший манеру и стиль раннего оригинала (о переработках промежуточных лицевых списков летописи мы не можем судить). К какому виду иллюстрации следует отнести печерский цикл? Хотя тематика миниатюр этого цикла связана с жизнью печерских подвижников, состав и характер иллюстраций не соответствуют ни одному из типов византийского лицевого Менология.³⁹ В жанровом отношении серия миниатюр, иллюстрирующая сказание о начале Печерского монастыря, ближе житийной иконе, которая в Византии получает развитие уже с XI в.⁴⁰ Однако этого никак нельзя сказать относительно миниатюр к сказанию о первых черноризцах печерских с их акцентом на демонологических мотивах. В целом тип миниатюры и система иллюстрирования текста вполне укладываются в рамки лицевой хроники, каковой в сущности и является Радзивилловская летопись.

Как известно, Н. П. Кондаков, одним из первых обратившийся к изучению миниатюр Радзивилловской летописи, предполагал в ней копию оригинала суздальского происхождения, относившегося к концу XIII—первой половине XIV в.⁴¹ Вполне возможно, что к указанному времени мог относиться промежуточный список лицевого свода, непосредственной копией которого является сохранившаяся рукопись конца XV в. Неоднократно обращавшие на себя внимание окцидентальные черты иллюстраций вместе с приемами оформления листа, находящими некоторые соответствия общего характера в датируемом 1300-ми гг. немецком Мартирологии в Йене,⁴² возможно, отражают особенности именно этого промежуточного

³⁶ G. et M. Sotiriou. *Icones du Mont Sinai*, t. I. Athènes, 1956, fig. 103—110.

³⁷ Е. Голубинский. История канонизации святых. . . , с. 44—45.

³⁸ В. Пуцко. Печерский ктиторский портрет. — *Зограф*, 15, Београд, 1984.

³⁹ П. Мпјовић. Менолог. Истројско-уметничка истраживања. Београд, 1973, с. 186—220.

⁴⁰ K. Weitzmann. Fragments of an Early St. Nicholas Triptych on Mount Sinai. — In: G. Timetikos. Sotiriou. Athens, 1966, p. 1—23.

⁴¹ Н. П. Кондаков. Заметка о миниатюрах. . . , с. 115.

⁴² E. Rother. *Buchmalerei aus zwölf Jahrhunderten*. Berlin, 1966, S. 213, 251, Taf. 55.

списка. В пользу этого предположения может говорить и то обстоятельство, что в художественном оформлении Радзивилловской летописи отсутствуют ярко выраженные ренессансные черты, которыми отмечены некоторые московские иллюминированные рукописи зрелого XV в.⁴³ Как предполагал Н. П. Кондаков, оригинал Радзивилловской летописи, относившийся к XIII в., был более близким к византийским рукописям и в известной мере напоминал Манассиеву летопись — болгарскую лицевую рукопись XIV в.⁴⁴ Однако исследователь трезво воспринимал и ту дистанцию, которая разделяет эти памятники книжного искусства.⁴⁵ Ряд тонких наблюдений, относящихся к происхождению источников миниатюр первой части этого лицевого русского летописного свода, высказал Л. В. Айналов.⁴⁶ Согласно классификации индивидуальных манер, предложенной О. И. Подобедовой, интересующие нас миниатюры принадлежат второму и третьему мастерам, из которых один подвергает адаптации находящийся в его руках сложный оригинал, а другой наиболее ярко проявляет себя при выполнении лиц, а также в области архитектуры.⁴⁷ Все эти наблюдения для нас в данном случае важны прежде всего потому, что помогают понять характер позднейших напластований, в значительной мере скрывших в процессе воспроизведения ранние оригиналы иллюстраций.

Каждый памятник книжного искусства неповторим во всей сложности своих изобразительных средств и декоративных приемов. Сказанное вполне может быть отнесено и к Радзивилловской летописи, которую вряд ли имеет смысл детально сопоставлять с такими лицевыми кодексами, как выполненная в третьей четверти XII в. и хранящаяся в Мадриде греческая Хроника Иоанна Скилицы⁴⁸ или находящаяся в Ватиканской библиотеке болгарская рукопись XIV в. Манассиевой летописи.⁴⁹ Но при этом никак нельзя отрицать, что Радзивилловская летопись относится к тому же типу византийских лицевых хроник и оформлена с соблюдением основных принципов, принятых для такого рода книг. Включенные в состав русского лицевого летописного свода сказания о Киево-Печерском монастыре с их миниатюрами отчасти выпадают из общей схемы изложения. Но надо сказать, что и их необычная для исторических хроник демонологическая тематика находит параллели в византийской иллюминированной книге. Укажем хотя бы на греческие иллюстрированные рукописи «Лествицы» Иоанна Лествичника.⁵⁰ В сущности на примере иллюстраций к сказаниям о Киево-Печерском монастыре в Радзивилловской летописи мы встречаемся с тем характерным для древнерусского книжного искусства явлением, когда за оригинальностью художественного облика книги стоит поразительная осведомленность в отношении всего, что связано с ее развитием.

Нуждается ли в подробной аргументации тезис о том, что миниатюры печерского цикла Радзивилловской летописи являются древнейшими иллюстрациями к сказаниям о Киево-Печерском монастыре? Более ранние композиции из истории и быта Печерского монастыря нам не известны. Следовательно, сохранившиеся иллюстрации могут претендовать на эту роль. Но миниатюры рукописи конца XV в., как мы знаем, восходят к лицевому летописному своду, оформившемуся во Владимире не позднее первой трети

⁴³ Ср.: В. А. Кучкин, Г. В. Попов. Государев дьяк Василий Мамырев и лицевая Книга пророков 1489 года. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга, сб. 2. М., 1974, с. 107—144.

⁴⁴ Н. П. Кондаков. Заметка о миниатюрах. . . , с. 118.

⁴⁵ Там же, с. 119.

⁴⁶ Д. Айналов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства, III. — ИОРЯС, т. XIII, 1909, кн. 2, с. 310.

⁴⁷ О. И. Подобедова. Миниатюры. . . , с. 60, 87.

⁴⁸ А. Божков. Миниатюры от мадридския ръкопис на Йоан Скилица. София, 1972; А. Грабар, М. Мануссакис. L'illustration. . .

⁴⁹ И. Дучев. Миниатюра на Манасиевата летопис. София, 1962.

⁵⁰ J. R. Martin. The Illustration of the Heavenly Ladder of John Climacus. Princeton, 1954 (Studies in Manuscript Illumination, N 5).

XIII в. и включившему в свой состав более ранние источники. Одним из них, по нашему предположению, мог явиться киевского происхождения лицевой список принадлежащего Нестору «Сказания что ради прозвася Печерський монастырь». Из него иллюминатор летописного свода начала XIII в. мог целиком заимствовать серию иллюстраций с изображением Антония. Иконография этих миниатюр, даже в московской переработке конца XV в., заметно выдается своим византизирующим характером, который в других сериях печерского цикла ощущается слабее. Облик монахов находит близкие соответствия в памятниках византийской живописи XI—XII вв.⁵¹ Антоний везде изображен седобородым, с непокрытой головой, одетым в мантию; его внешний вид остается неизменным. Д. С. Лихачев относит Киево-Печерский патерик к числу тех произведений церковной литературы XI—XIII вв., в которых нарушался литературный стереотип.⁵² В отношении рассматриваемых иллюстраций это положение остается в силе, особенно применительно ко второй и третьей сериям миниатюр, о которых шла речь.

Вопрос о печерском летописании на протяжении многих лет интересовал различных исследователей.⁵³ Патерик, включающий в свой состав сказания, иллюстрации к которым послужили темой нашей статьи, по справедливому замечанию В. М. Истрина, «является как бы лебединой песней старого, киевского периода, с одной стороны, и началом новой жизни на новом месте — с другой».⁵⁴ Не таково ли положение и печерского цикла иллюстраций Радзивилловской летописи? Сложные по своему составу, восходящие к различным по происхождению источникам, они пока занимают в истории русского искусства не совсем определенное место. Вплетенные в большой лицевой летописный свод, миниатюры все же заметно выделяются своим характером, как и тексты сказаний, которые они иллюстрируют.

По поводу всего печерского цикла иллюстраций в Радзивилловской летописи уместно вспомнить слова Д. С. Лихачева о том, что «жизненное наблюдение очень часто отражалось в произведениях изобразительного искусства не непосредственно, а через литературный источник, через сюжет, уже отразившийся в письменности».⁵⁵ Рассмотренные миниатюры, думается, могут служить тому примером. Для нас они важны еще и тем, что позволяют хотя бы немного приподнять завесу, плотно скрывающую искусство иллюстрации домонгольской Руси.

⁵¹ В частности, близкие аналогии можно указать в византийском Менологии XI в. (ГИМ, Снн. греч. 175).

⁵² Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, с. 64.

⁵³ А. А. Шахматов. Киевопечерский патерик и Печерская летопись. — ИОРЯС, т. II, кн. 3, 1897, с. 795—844; В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания. — ИОРЯС, т. XXVII, 1924, с. 209—211; А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969, с. 52—55.

⁵⁴ В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.). Пг., 1922, с. 199.

⁵⁵ Д. С. Лихачев. Сравнительное изучение литературы и искусства Древней Руси. — ТОДРЛ, т. XXII. М.—Л., 1966, с. 4.